

Р. Ш. ГАНЕЛИН

АМЕРИКАНСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ О РАННИХ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Политика правительства США в русском вопросе в 1917—начале 1918 г. занимает довольно значительное место в современной американской историографии как важная тема истории внешней политики США и американской дипломатии.¹ Существенное значение здесь имеет, разумеется, то обстоятельство, что политические установки в «русском вопросе», выработанные в Вашингтоне в первые послеоктябрьские месяцы, оказали влияние на развитие внешнеполитической доктрины США в последующие годы и десятилетия. Октябрьская революция была таким потрясением для «делавших политику» верхов американского общества, что вызванная непосредственной па нее реакцией расстановка политических сил вокруг «русского вопроса» оказалась в некоторых своих элементах характерной и для последующего времени.

Именно этим, как нам представляется, вызвана весьма существенная особенность американской исторической литературы о ранних советско-американских отношениях — ее концепционная связь со статьями в газетах и журналах и публицистическими изданиями, которые появлялись в США по свежим следам событий. Если происхождение апологетического направления при всей

¹ В советской литературе, посвященной американской историографии, эта тема нашла отражение лишь в статье Б. И. Марушкина «Американская политика по отношению к Советской России после Октябрьской революции в освещении буржуазной историографии США» (в кн.: Зарубежная литература об Октябрьской революции. М., 1961, стр. 146—154). Не касаясь здесь вопроса об освещении в американской литературе истории самой антисоветской интервенции, мы сосредоточили свое внимание на том, как трактуются различными американскими авторами некоторые вопросы ее происхождения и предыстории, а также причины отклонения американской стороной попыток Советского правительства установить нормальные советско-американские отношения.

его внешней академичности тесно связано с официальной американской пропагандой 1918—1919 гг., то у истоков критического подхода к зарождению «русской политики» Соединенных Штатов того времени мы находим мемуарную и публицистическую традицию, восходящую к американским политикам-реалистам.² Нельзя также не отметить того влияния, которое оказала на освещение «русской политики» США американскими историками — преимущественно апологетического направления — пресловутая советология.

Идейно-концепционное влияние эмигрантской литературы с самого начала проявилось в постановке в американской историографии интересующей нас проблемы не только в общем плане, но и в самой непосредственной, конкретной форме. Едва ли не первой из появившихся в США «профессорских» книг о русско-американских отношениях была книга Питирима Сорокина, в прошлом активного правого эсера, приват-доцента Петербургского университета и Психоневрологического института, получившего профессию в Гарварде и оказавшегося чуть ли не одним из основоположников американской социологии.³ Книга Сорокина о России и США, положившая начало теории «копвергенции» в американском «советоведении»,⁴ вызвала самые одобрительные отклики американской печати. Появившаяся во время второй мировой войны, она была написана с учетом того интереса к истории советско-американских отношений, который был вызван сотрудничеством СССР и США в рамках антигитлеровской коалиции.⁵ В соответствии с этим Сорокин рассматривал антисоветскую политику США в течение «ужасного периода русской революции 1917 года и последующих лет» как вызвавшую лишь «временное отчуждение», которое «не привело ни к войне, ни к какому-либо серьезному дипломатическому конфликту». «Даже отправка американских экспедиционных сил в 1918 г., — писал П. Сорокин, — не противоречит этому утверждению: они были посланы не против России, а скорее для того, чтобы помочь ей. Они были посланы в ответ на ясно высказанные приглашения со стороны различных антикоммунистических правительств и некоторых частей населения России в то время, когда Германия еще угрожала России и когда коммунистическое правительство еще далеко не было

² Специально этому вопросу посвящена наша статья «У истоков советско-американских отношений» (в кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии. 1861—1918. М., 1974).

³ Sorokin P. A. Russia and the United States. London, 1950 (1-е изд. — 1944 г.).

⁴ См.: Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, с. 143.

⁵ В том же 1944 г. вышел в свет общий очерк русско-американских отношений, написанный известным историком внешней политики США Ф. Р. Даллесом, под выразительным названием «Путь к Тегерану»: Dulles F. R. The Road to Teheran. The story of Russia and America. 1781—1943. Princeton, 1944.

прочным. Кроме того, экспедиционные силы были незначительны, и военные операции, которые они вели, вряд ли могли быть названы настоящей войной. Вследствие этого их действия ни в коем случае не представляли собой акта агрессии против России».⁶

Нетрудно заметить, что вся конструкция П. Сорокина носит в сущности оборонительный характер: в годы второй мировой войны настаивать на благодетельности интервенции было нелегко, если не невозможно.⁷ Именно в устах П. Сорокина, русского по происхождению, пользовавшегося к тому же репутацией «объективного ученого-социолога», да еще в книге, выдержанной в духе традиционной русско-американской дружбы, имела в тот момент особый смысл апологетическая формула, почти прямо повторявшая некоторые утверждения официальной американской и белогвардейской пропаганды времен интервенции.

Формула П. Сорокина стала общепринятым кредо в американской историографии, и это вынуждает нас хотя бы кратко на ней остановиться. Он не решился прямо заявить, как это делала американская пропаганда в 1918 г., что цель политики США в «русском вопросе» и отправки американских войск в Россию состояла в спасении ее от немцев. Вместо этого он употребил уклончивые слова о том, что к моменту вторжения американских экспедиционных сил «Германия еще угрожала России». П. Сорокин, несомненно, понимал при этом, что если германская угроза и существовала, то отнюдь не силами американских экспедиционных войск можно было ее отвести, да и не в этом состояла цель их вторжения в Россию. Именно поэтому он прибегнул к аргументу о «приглашениях» к интервенции «со стороны

⁶ S o r o k i n P. Op. cit., с. 3.

⁷ Как создавалось пропагандистское прикрытие контрреволюционной политики США, весьма убедительно показал в своих воспоминаниях, вышедших как раз в это время, в 1945 г., С. Н. Харпер, профессор-русист Чикагского университета, принимавший активное участие во многих актах «русской политики» правительства США. Как известно, одним из основных элементов антисоветской пропагандистской кампании, начавшейся после Октября, были упорные, хотя и бездоказательные настояния на связях деятелей большевистской партии с германским генеральным штабом. «Основанием» для этих утверждений служили так называемые документы Сиссона, подлинность которых с самого начала вызывала большие сомнения даже во враждебных Советской России кругах. Чтобы придать им видимость достоверности, была образована специальная комиссия Американской исторической ассоциации, которая в довольно межеумочных выражениях составила заключение, неудовлетворительное с точки зрения официальных кругов, но публично истолкованное ими как не оставляющее сомнения в подлинности «документов». Только в посмертно изданных воспоминаниях Харпера было рассказано о том, какому давлению подвергалась комиссия, которую удалось составить всего из двух членов (Харпер был одним из них): Harper S. N. The Russia I believe in. Chicago, 1945, p. 112 etc. По свидетельству американского автора Кр. Лэша, в рукописи Харпера содержались еще более определенные сведения об оказанном правительством США давлении на комиссию. При издании они были, однако, опущены (Lash Chr. The American Liberals and Russian Revolution. N. Y.—London, 1962, p. 115—116).

различных антикоммунистических правительств». Однако следующий аргумент П. Сорокина вопреки его намерениям выдавал истинную контрреволюционную направленность «русской политики» США. Не потому ли считались достаточными незначительные интервенционистские силы, что положение Советского правительства, как казалось в Вашингтоне, «далеко еще не было прочным»? И не это ли придавало смысл агрессивным действиям США в глазах их инициаторов?

Чувство известного конфуза по поводу интервенционистской антисоветской политики прошлого весьма ощутимо в вышедших во время второй мировой войны мемуарах одного из участников американской интервенции на Дальнем Востоке С. Киндэлла.⁸ «Самая странная авантюра в истории нашей страны», — так оценил этот мемуарист интервенцию США в Советской России. С многолетним опозданием он поделился с американскими читателями «недоумениями», которые «с самого начала» американской интервенции возникали у ее участников. «В первый же день (высадки во Владивостоке, — *Р. Г.*), — писал С. Киндэлл, — обнаружился удивительный факт: в рядах прибывшей армии не оказалось ни единого человека, которому доверили бы идущую откуда бы то ни было информацию по поводу того, каких действий ожидают от армии после высадки во Владивостоке».⁹ Эта несомненно намеренно созданная неизвестность привела, по словам Киндэлла, к возникновению в среде интервентов различных слухов об их задачах. Однако, как заявлял С. Киндэлл, «многие считали, что американская армия послана в Сибирь в крестовый поход против большевизма, и поверили этому».¹⁰

Свидетельства такого рода, бесспорно, подрывали становившуюся общепринятой историографическую версию, которую мы видели сформулированной П. Сорокиным. Впрочем, не только в мемуарах, но и в профессионально-исторических работах подобные причины антисоветской политики США и участия их в интервенции оказывались названными в той или иной связи: официально-пропагандистская версия, восходившая к 1918 г., не выдерживала соприкосновения с историческими фактами. Так, в появившемся в 1949 г. специальном исследовании Паулины Томпкинс, посвященном истории отношений между США и Россией на Дальнем Востоке,¹¹ находим любопытные рассуждения о характере и целях интервенционистской политики. П. Томпкинс упорно настаивала на том, что зачинщиками этой политики были Япония, Англия и Франция, а «Соединенные Штаты в последо-

⁸ Kindall S. C. American soldiers in Siberia. N. Y., 1945. Мемуары Киндэлла носили до такой степени антияпонский характер, что, по его собственным словам, не могли увидеть свет в Америке до Пирл-Харбора.

⁹ Там же, стр. 16—17.

¹⁰ Там же.

¹¹ Tompkins P. American-Russian relations in the Far East. N. Y., 1949.

вавшие за Ноябрьской революцией (как известно, Октябрьскую революцию в западной печати часто называли Ноябрьской, а Февральскую — Мартовской, — *Р. Г.*) месяцы подвергались повторяющемуся дипломатическому давлению, которое постепенно вынудило их, хотя и неохотно, но все же согласиться на интервенцию». На самом деле если что и вызывало у Вильсона и Лансинга несогласие с интервенционистскими планами союзников, то лишь авангардная роль, отводившаяся в них Японии, традиционному конкуренту США в тихоокеанском бассейне. Нас интересует сейчас, однако, взгляд П. Томпкина на причины общей интервенционистской политики союзников.

Организуя интервенцию, союзники «приводили множество разных мотивов, действительных и вымышленных», — пишет П. Томпкин. Среди этих мотивов находим все те же традиционные пропагандистские заявления по поводу «восстановления Восточного фронта», «моральной необходимости „спасти“ чехословацкие легионы» и т. п. Но оказывается, что «за этими мотивами (независимо от того, «искренние» они или «сфабрикованные», как определила их Томпкин в другом месте, — *Р. Г.*) кроются другие, менее публичного свойства, но столь же, если не более важные для определения позиции союзников».

И вот среди этих сокровенных и потому, несомненно, наиболее важных и существенных мотивов антисоветской интервенционистской политики оказывается у П. Томпкина «анафема коммунизму». Хотя она и приписывается прежде всего Франции, тем не менее совершенно ясно, что классовая природа и контрреволюционный характер политики Антанты и США в «русском вопросе» оказываются таким образом признанными. П. Томпкин прямо пишет, что все мотивы, которыми руководствовались союзники, предлагая интервенцию, равно как и те, на которых основывалась «американская позиция», «вытекали из ослабления России»,¹² которое рассматривалось, иными словами, как дающее надежду на уничтожение советского строя.

В еще большей мере, чем у Томпкина, контрреволюционная сущность политических акций и плагов США начиная с первых послеоктябрьских дней заметна в вышедшей вслед за работой Томпкина книге Томаса Бэйли, одного из признанных историков американской внешней политики. В книге, посвященной обзору русско-американских отношений на всем их протяжении,¹³ Т. Бэйли уделил послеоктябрьскому периоду значительное внимание, пытаясь представить ранний антисоветизм правительства США как чистое доктринерство, почти не связанное якобы с проведением контрреволюционной политики на практике. Он не отрицал классовой обусловленности политики США в «русском

¹² Ibid., p. 50—52.

¹³ Bailey T. A. America faces Russia. Russian-American relations from early time to our day. Itaca, 1950, p. 234 etc.

вопросе», прямо писал о той роли, которую играли в определении этой политики «богатые американцы, преданные принципу святости частной собственности», описывал ожесточенную газетную кампанию против «озлобленных авантюристов-парапоиков», как называла революционеров «Нью-Йорк Трибюн», сопровождающуюся пагнетанием «ужасов» по поводу превращения «храмов в публичные дома» и т. п. Т. Бэйли приводил и раздававшиеся в 1918—1919 гг. призывы к отправке американских войск в Россию для свержения Советской власти. Он не оставлял сомнений в том, что чувство острой классовой ненависти к советскому строю было основной движущей силой политики США в «русском вопросе».

Но при этом Т. Бэйли утверждал, что, отвергая советский строй, правящие круги США, уверенные в его неминуемом и скором падении, не видели необходимости в каких-либо мерах со своей стороны для способствования этому. «В Соединенных Штатах была распространена уверенность в том, что узурпаторы — такие неистовые экстремисты, что они скоро сами себя погубят своими сумасшедшими идеями...», — писал Т. Бэйли.¹⁴ Он заявлял, что, по мнению определявших политику США кругов, Советское правительство пользовалось столь незначительной поддержкой в народе, что должно было неизбежно потерять власть, причем «скоро». Широко известную многократно выражавшуюся уверенность американской «большой прессы» в скором падении Советской власти Т. Бэйли использовал как доказательство пассивности правительства США в разработке и осуществлении антисоветских планов. В действительности же лишь в самые первые послеоктябрьские дни в официальных кругах Вашингтона надеялись на то, что Советская власть рухнет «сама по себе», а затем сейчас же приступили к разработке и применению самых различных приемов и форм борьбы с ней.

При всей необоснованности своих рассуждений по этому поводу Бэйли, однако, признавая классовую обусловленность контрреволюционной политики США, довольно правильно определил причину срыва американской стороной всех предложений Советского правительства, направленных к установлению нормальных советско-американских отношений. Настаивая на том, что Вильсон был «репительным противником интервенции и сторонником того, чтобы все определилось само по себе», он заявлял, что Вильсон был «непрочь дать пыли осесть». А за этим крылась, как тут же признавал Т. Бэйли, уверенность президента в том, что «ленинизм — не более как переходящая стадия», и США «могут лишь повредить своим добрым отношениям с будущим правительством (России), если они откроют преждевременные переговоры с большевиками». «Таким образом, — заключал Т. Бэйли, — с самого начала папа администрация и

¹⁴ Bailey T. A. America faces Russia, p. 236.

народ (подмега понятия «буржуазная публика» понятием «народ», как известно, широко распространена в американской буржуазной историографии, — Р. Г.) должны были инстинктивно стать противниками новой партии революционеров». Однако Бэйли тут же спохватывается, что пустил в ход тот самый аргумент, который «ныне употребляют, особенно в коммунистических кругах» — относительно того, что именно непримиримая враждебность американской стороны сорвала первые советско-американские контакты и предотвратила возможность нормального развития отношений между обеими странами в послеоктябрьский период.

Чтобы это опровергнуть, Т. Бэйли выдвигал тезис о том, что большевистская партия была враждебной Соединенным Штатам силой «до того, как Вашингтон получил возможность проявить себя или начать поддержку контрреволюционных движений». «Доказывал» Т. Бэйли этот тезис с помощью ссылки на некое заявление Троцкого о свержении в будущем капиталистического строя, сделанное им в бытность в Америке. Излишне говорить, что Т. Бэйли избегал упоминаний о предложениях Советского правительства Соединенным Штатам, сделанных после Октября, о практических шагах советской стороны к установлению сотрудничества с капиталистической Америкой. Он стремился представить идеологическую непримиримость ленинизма по отношению к эксплуататорскому строю как противоречившую возможность мирного сосуществования и сотрудничества между социалистическим государством и странами капитализма. Эта тенденция Т. Бэйли соответствовала его утверждениям о существовании «естественной враждебности» между народами СССР и США.¹⁵

Второй своему тезису о пассивности американского антисоветизма, Т. Бэйли утверждал, что вильсоновская политика непризнания Советской России и отказа от контактов с ней получила со стороны американского буржуазного общественного мнения горячую поддержку. А требования относительно вооруженной интервенции были немногочисленны, — признает он, — хотя «мы (!) симпатизировали несчастному русскому народу» и стремились спасти его от «тирании» большевиков.

Рассматривая причины интервенции, Т. Бэйли отдал дань традиционной апологетической версии о спасении поставленных союзниками в Россию военных материалов, об организации отпора немцам и т. д. Тем не менее он не решился отрицать чисто контрреволюционной направленности интервенции. Но, признавая это, он продолжал проводить мысль о том, что собственным военным операциям США на советской территории контрреволюционные цели были присущи в меньшей мере, чем американской политике поддержки Колчака, белополяков и т. п.

¹⁵ См.: Марушкин Б. И. История и политика, с. 369.

«Цели Соединенных Штатов в Архангельской и Сибирской экспедициях, — утверждал Т. Бэйли, — не были прямо антибольшевистскими. Но в деле адмирала Колчака, которого союзники поддерживали как главную надежду белого движения, все обстояло наоборот». Впрочем, несколькими строками ниже Т. Бэйли в сущности сам себя опроверг. «Некоторые редакторы американских газет, — писал он, — без обиняков заявляли, что, участвуя в интервенции, мы на самом деле вели войну с большевиками».

Независимо от намерений самого Т. Бэйли признание им социальной обусловленности ранней антисоветской политики США не оставалось бесследным в американской историографии. В частности, это выразилось в том, что совершенно игнорировать тему ранних советско-американских контактов, как зачастую делалось раньше, стало невозможным, а тема эта была с апологетической точки зрения невыгодна, так как ее изложение с неизбежностью требовало упоминаний об отвергнутых Соединенными Штатами предложениях Советского правительства.

Появление этой темы в профессиональной американской историографии в значительном масштабе и в развернутой форме связано, как и формирование научно-критического взгляда на антисоветскую политику США в прошлом, с именем В. Э. Вильямса. Началом своей известности В. Вильямс обязан изданному им в 1952 г. общему очерку истории русско-американских отношений.¹⁶ Но в основе тех разделов этой книги, которые были посвящены интересующему нас периоду, лежала изданная в 1950 г. ротاپринтным способом его диссертация. В ней специально исследовалась неустанная борьба за нормальные, дружеские отношения между Советским государством и Соединенными Штатами, которую на протяжении многих лет вел Р. Робинс.¹⁷ Именно эта работа, заставив Вильямса углубиться в изучение первых советско-американских контактов, показала ему, что с советской стороны не было дано никаких поводов к той политике, которую проводило правительство США. Не обнаружил В. Вильямс и той «исконной враждебности» Советского правительства к США, на существовании которой настаивали его предшественники — Бэйли и др.

Изучение привезенных Р. Робинсом из Советской России документов — как изданных, так и оставшихся неизданными, беседы с самим Р. Робинсом, знакомство с весьма широким кругом источников убедили В. Вильямса в том, что правительство США не откликалось на предложения Советского правительства и лично В. И. Ленина, хотя они носили чисто деловой характер и были выгодны не только для советской, но и для американской стороны.

¹⁶ Williams W. A. American-Russian relations. 1784—1947. N. Y.—Toronto, 1952.

¹⁷ Williams W. A. R. Robins and Russian-American relations. Ann Arbor, 1950.

Уже в первой работе Вильямса мы находим материал, которым он подкреплял свою уверенность в решающем значении контрреволюционного фактора среди других, определявших политику правительства Вильсона в «русском вопросе». «Лежавшая в основе всего враждебность Вильсона по отношению к Советской революции, — писал В. Вильямс, представляла собой плодородную почву для советов Лансинга и других, и 28 февраля 1918 г. он дал письменное согласие на интервенцию. Лансинг, уже давно встревоженный притягательной силой социализма в массах, считал революцию приемлемой и желательной лишь для „невежественных и слабоумных“ и видел в ней „прямую угрозу существующему общественному порядку во всех странах“. Вильсон высказал свое общее согласие с такой оценкой, препроводив Лансингу длинное письмо от Сэмуэля Гомперса и Уильяма Инглиш Уоллинга (правый социалист крайне милитаристского толка, — Р. Г.). Их доклад, содержащий признание того, что Советы „бесспорно“ являются фактическим правительством России, предостерегал против начала каких бы то ни было дружеских переговоров. Президент рассматривал этот совет как „весьма правильную основу“ для политики, а Лансинг разделил с Вильсоном его „глубокое огорчение“. Лансинг и Вильсон были согласны друг с другом в том, что о какой бы то ни было помощи Советам „не может быть и речи“». ¹⁸

«Переживания» Вильсона в связи с его политикой в «русском вопросе» и в дальнейшем являлись предметом рассмотрения Вильямса, сделавшего излишнюю психологизацию действий тогдашнего президента США чуть ли не своим исследовательским приемом. В действительности контрреволюционная политика в России отнюдь не противоречила общим политическим принципам Вильсона. Тем не менее следует отметить, что именно тщательное изучение слов и действий президента, его публичных выступлений и официальных распоряжений помогло Вильямсу прийти к реалистическим заключениям о контрреволюционном характере политики США, которые вскоре оказались у него связанными со своеобразной общей оппозиционностью по отношению ко всей историко-апологетической доктрине внешней политики США. Все последующие работы Вильямса занимают поэтому в американской историографии несколько особое место. ¹⁹

Хотя критический взгляд на «русскую политику» США и не стал господствующим в американской историографии, он получил в ней в различных формах известное распространение. Примечательно, что версия Р. Робинса, — а нам представляется, что работы В. Вильямса знаменуют собой ее историографическое

¹⁸ Ibid., p. 138.

¹⁹ В русском переводе изданы две из них — книга «Трагедия американской дипломатии» (М., 1960) и статья «Американская интервенция в России в 1917—1920 гг.» (История СССР, 1964, № 4), о которой нам еще придется далее говорить.

признание, — оказала влияние на тех американских авторов, которые как бы пытались ей противостоять. Мы имеем при этом в виду влияние и того раздела робинсовского повествования, который был посвящен предоктябрьскому периоду. В измененном виде ошибочный тезис Робинса о том, что в октябре 1917 г. в России все могло быть изменено, если бы Вильсон и Лансинг не игнорировали предложений Томпсона—Робинса, а вместе с другими союзниками оказали Керенскому политическую помощь, пришелся в пору тем из американских авторов, которые исходили из «незакономерности», «случайности» Октябрьской революции. Так, Р. Уорс, автор книги, посвященной отношению союзников к революционным событиям в России с февраля 1917 по март 1918 г.,²⁰ сочувственно излагает вслед за Робинсом их с Томпсоном неудачные попытки добиться в Вашингтоне благосклонности по отношению к Керенскому, которого там считали слишком нерешительным и склонным к «компромиссам с радикальными элементами революции». Мало того, Уорс даже пошел (если так можно в данном случае выразиться) дальше версии Робинса, подкрепленной затем материалами Томпсона. Он упрекнул союзные правительства в «саботировании возможной дискуссии о целях войны».²¹ При этом имелся в виду их решительный отказ в приеме на межсоюзнической конференции в октябре 1917 г. делегированного ЦИКом М. И. Скобелева с данным ему меньшевистско-эсеровским руководством ЦИКа «наказом». «Наказ» этот, революционно-оборонческий по своей сущности, отнюдь не требовал прекращения империалистической войны. Сам Р. Уорс даже сравнил его с «14 пунктами Вильсона», хотя и не отрицал, что вильсоновская декларация оказалась в своем демагогическом размахе уже «наказа».²²

Уорс ретроспективно рассматривал вопросы войны и мира, казавшиеся Робинсу и Томпсону в 1917 г. жизненно важными, как несопоставимые по значению с революцией, перевернувшей все привычные представления ее буржуазных современников о незыблемости существовавшего строя. Он как бы недоумевал спустя десятки лет, стоило ли Вашингтону и его союзникам с таким упорством настаивать перед Временным правительством на продолжении войны, если прекращение ее могло предотвратить революцию. Эта в корне ошибочная с исторической точки зрения постановка вопроса связана с уверенностью в том, что меньшевистско-эсеровские лидеры были способны обеспечить выход страны из войны и тем самым сорвать уже осуществлявшийся партией большевиков план Октябрьского восстания.

Социалистическую революцию можно было предотвратить, следовательно, она была случайностью, а не исторически законо-

²⁰ Warth R. The Allies and the Russian revolution. Durham, N. C., 1954.

²¹ Ibid., p. 149.

²² Ibid., p. 150.

мерным и неизбежным событием, — такова основная «теоретическая» посылка, из которой исходит большое число современных американских авторов. Союзники же, и в частности США, увлеченные политической борьбой за удержание России в войне с Германией, не сумели понять важности своих контрреволюционных задач в России, — такой сентенцией сопровождается и дополняется эта «теоретическая» посылка. В результате апология антисоветской интервенционистской политики США, основанная на отрицании социальной обусловленности этой политики, смыкается с кардинальным для американской «советологии» постулатом относительно «случайности» Октябрьской революции.

Со второй половины 50-х гг. все большее число авторов обращалось к интересующей нас проблеме. В одном и том же 1956 г. общие характеристики происхождения интервенционистской политики Антанты и США были даны Б. М. Антербергер и Дж. М. Томпсоном.²³ Следует, прежде всего, отметить, что ни Антербергер, ни Томпсон не отрицают контрреволюционного характера антисоветской интервенции, не выдвигают на первый план «соображений большой стратегии» и т. п. С отчетливо выраженных классовых позиций Томпсон констатирует, что интервенция союзников и США в России не достигла поставленной перед ней цели — «оказалась неспособна сокрушить большевистский режим в младенческом его возрасте».²⁴ Он, кстати сказать, в отличие от большинства американских авторов, не считает интервенцию целиком неудавшейся и бессмысленной с империалистической точки зрения затеей, а видит смысл ее в том, что она-де лишила Советскую страну возможности эффективно помочь революционным выступлениям в странах Восточной и Центральной Европы. Не считая вооруженную контрреволюцию сколько-нибудь одиозной, Томпсон, суммируя, как он сам заявляет, общепринятые в западной историографии факты и выводы, признает, что союзники и США, встретив Октябрьскую революцию «враждебностью и непризнанием», «начали обсуждать возможность вооруженной интервенции в России против большевиков». Однако тут же он двумя приемами стремится отвести Соединенным Штатам особое место в ряду стран — участниц антисоветской интервенции. Отмечая наряду с контрреволюционными мотивами интервенции и экспансионистские («сферы влияния» с «экономическими выгодами»), Томпсон решительно отказывается признавать такие мотивы за США. Затем он подчеркивает, что «наиболее активно настаивала на интервенции для свержения нового строя» в России Франция. Что же касается США и Англии, то они, по словам Томпсона, были «осмотрительны и нерешительны». Но вот как сам Томпсон определяет

²³ Unterberger B. M. *America's Siberian expedition, 1918—1920*. Durham, 1956; Tompson J. M. *Allied and American intervention in Russia*. — In: *Rewriting Russian history*. Ed. by C. E. Black. N. Y., 1956.

²⁴ Tompson J. M. *Op. cit.*, p. 340.

англо-американскую политику в октябре 1917—марте 1918 г., называя ее «противоречивой». «С одной стороны, — пишет он, — помощь таким контрреволюционерам, как Каледин, и обсуждение японского предложения о вторжении», а с другой — «неофициальные контакты» с Советским правительством с целью побудить его к продолжению войны с немцами.

Метод противопоставления мотивов и действий Соединенных Штатов политике Англии, Франции и Японии служит основным апологетическим приемом и в книге Б. Антербергер. Она готова признать, что и Франция, и Англия ставили перед интервенцией контрреволюционные цели, что Япония была движима захватническими вожделениями по отношению к Сибири. Но что касается США, тут дело обстояло, по ее словам, иначе. «Американские мотивы были гораздо более сложными», — утверждает она. Чтобы обосновать это свое утверждение, она вдается в разбор психологии Вильсона, которому якобы приходилось в процессе подготовки интервенции вступать в конфликт с собственными либеральными и демократическими идеями. Однако вопреки своим намерениям Б. Антербергер в сущности вынуждена косвенно признать демагогический характер вильсоновских публичных заявлений о целях США в антисоветской интервенции. Так, по поводу настоящей американской пропаганды на необходимости «спасти» чехословацкий корпус и помочь русскому народу в «стремлении к самоуправлению», она замечает, что чехословаки «были вполне способны сами о себе позаботиться», а умолчание Вильсона о том, кому именно в России США собираются помочь, дало основание считать американскую интервенцию помощью белогвардейским генералам и правительствам.²⁵

Б. Антербергер нанесла невольный удар и по весьма употребляемому в американской историографии аргументу, служащему для отрицания контрреволюционной сущности интервенции. Незначительные по своей численности американские экспедиционные силы не могли повлиять на судьбу советского строя — таков этот аргумент. Антербергер же привела слова Черчилля, который придерживался противоположного взгляда. «Представляется несомненным, — писал Черчилль, — что решительные усилия сравнительно небольших по численности надежных американских или японских войск дали бы возможность русским национальным (т. е. белогвардейским, — *Р. Г.*) и союзным силам захватить Москву еще до разгрома Германии».²⁶

²⁵ Unterberger В. *Op. cit.*, p. 231.

²⁶ *Ibid.*, p. 230. Ср. точку зрения Черчилля с заключением современного американского автора, который утверждает, что хотя Вильсон и Лансинг побаивались «увязнуть в военном походе за свержение большевиков», тем не менее оба они, «очевидно, надеялись на то, что интервенция в ограниченных масштабах поощрит образование дружественного им антибольшевистского правительства» (*An Uncertain Tradition: American secretaries of State in the Twentieth Century*. Ed. by N. A. Graebner. N. Y.—Toronto—London, 1961, p. 117—118).

В 1956—1958 гг. появилась двухтомная монография Дж. Кенпана, посвященная советско-американским отношениям в 1917—1920 гг. Первый ее том носит название «Россия выходит из войны», второй называется «Решение вмешаться». Монография Дж. Кенпапа была встречена в США как высшее достижение американской историографии в этой области и до сих пор пользуется такой репутацией. Ей посвящен ряд специальных критических рецензий и статей советских историков, в которых показано, каким образом монография Кенпана стала своеобразной энциклопедией апологетических приемов для обеления интервенции.²⁷

Отсылая читателя к уже имеющимся работам советских авторов, содержащих критику двухтомной монографии Кенпана, мы не будем здесь на ней останавливаться (ниже нам предстоит обратиться к другой, более поздней книге Дж. Кенпапа). Кратко отметим лишь, что Кенпан упорно пытается опровергнуть тезис об упущенных по вине Вильсона и Лансинга возможностях установления нормальных советско-американских отношений. Ленинский план установления экономических связей с Америкой, простой и ясный, основанный на нормальных коммерчески взаимовыгодных началах, превращается под его пером в систему неких приманок, предназначенных для доверчивых американских дельцов.²⁸ Нечего и говорить, что Робинс он рисует во всех отношениях в самом неприглядном виде.²⁹ Самый мягкий из делаемых Кенпаном Робинсу упреков — упрек в доверчивом отношении к заявлениям советских руководителей.

Впрочем, в позднейшей своей книге, продолжая настаивать на том, что доверять советским руководителям не следовало, Дж. Кенпан довольно реалистически объяснил причины того доверия, которое питали к ним Р. Робинс и полуофициальный представитель Франции Ж. Садуль. Для Робинса и Садуля, — писал Дж. Кенпан, — встреча с честными людьми, обладавшими «горячей верой в общественный идеал», была «поражительным жизненным опытом», «после того как они долгое время вращались в западном обществе того времени, где так широко был распространен акцент на индивидуализме, личном тщеславии, соперничестве

²⁷ Указание на эти работы см. в кн.: Марушкин Б. История и политика, с. 346.

²⁸ Подробно см. об этом нашу статью: Некоторые вопросы ранних советско-американских отношений и современная американская историография. В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии, М.—Л., 1961.

²⁹ По-видимому, Робинс в изображении Дж. Кенпана представлялся чем-то вроде изменника. Во всяком случае, после выхода в свет первого тома монографии Кенпана автор изданной католическим университетом США книги о Робинсе А. Мейбургер сочла нужным заявить, что «после тщательного исследования бумаг Робинса» она убеждена в том, что Р. Робинс был «ревностно лоялен по отношению к Соединенным Штатам» и «делал все, что было в его силах с ноября 1917 г. до своего отъезда 7 мая 1918 г., чтобы использовать большевиков в военных целях союзников» (Meiburger A. V. Efforts of R. Robins toward the recognition of Soviet Russia and the outlawry war. Washington, 1958, p. 26).

в обществе и снобизме».³⁰ В этой книге, открываемой призывом противопоставить влиянию советской исторической науки «сильную и твердую западную историографию», Дж. Кеннан прямо проводит мысль о возможности предотвращения Октябрьской революции путем прекращения участия России в войне, возможности, которую не использовали союзники и США, увлеченные военными целями и ослепленные своим увлечением. В сущности он, подобно Уорсу, исходит из того, что ради предотвращения или сокрушения Октябрьской революции следовало поступиться военными соображениями. Можно с большой уверенностью считать, что даже заключение мира между Антантой и Германией с целью разгрома революции в России было бы, с точки зрения Кеннана, полезным делом. Во всяком случае, он подчеркивает, что союзники весьма преувеличивали значение германской проблемы, что победа Германии не была бы такой уж страшной катастрофой для союзников, а разгром ее, с другой стороны, привел бы к решению всех проблем, перед ними стоявших.³¹

Как и у его предшественников, критика союзных и американского правительств, не сумевших-де соразмерить значение военных и контрреволюционных целей, связана у Дж. Кеннана, с одной стороны, с тезисом о «случайности» Октябрьской революции, а с другой — с отрицанием контрреволюционного характера политики США в «русском вопросе» в 1917—1918 гг.

Что касается контрреволюционного характера американской и союзнической политики, то он даже специально возражает советским историкам, обвиняя их в недооценке военных задач, стоявших перед Антантой и США.³² Однако в другом месте своей книги Дж. Кеннан, явно себе противореча, утверждает, что Каледин и другие белогвардейские генералы не очень-то заботились о способствовании военным целям союзников.³³ Между тем это отнюдь не препятствовало их финансированию с Запада: контрреволюционный характер белого движения и сам по себе оправдывал в представлении руководителей Антанты и США расходы на его поддержку.

С особенной категоричностью Дж. Кеннан отвергает саму мысль о возможности установления нормальных советско-американских отношений в конце 1917—начале 1918 г. и о срыве этой возможности американской стороной. С его точки зрения, Вильсон и Лансинг должны были принимать в расчет лишь такие формы «сотрудничества» с Советской Россией, которые были бы обусловлены продолжением губительной для революции войны с Германией. Коль скоро В. И. Ленин и Советское правительство на это не были согласны, не стоит и жалеть об «упущенных воз-

³⁰ Kennan G. F. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston—Toronto, 1961, p. 61.

³¹ *Ibid.*, p. 9.

³² *Ibid.*, p. 11.

³³ *Ibid.*, p. 46.

возможностях», — таков смысл рассуждений Дж. Кеннана. Такими упрощенными способами стремится Дж. Кеннан побороть влияние «советских пропагандистов» на «либеральную мысль в Англии и в Америке», развеять «мифологию русской революции».³⁴

В 1957 г. появилась небольшая по объему диссертационная работа Б. К. Шелтон,³⁵ специально посвященная политике Вильсона в «русском вопросе» и его роли в организации интервенции. Точка зрения, которую отстаивала Б. Шелтон, была в обобщенном виде такова. Сам по себе Вильсон был «идеалист» и противник какого бы то ни было вмешательства в дела других стран. Но под влиянием обстоятельств действия его не всегда соответствовали свойствам его натуры и личным убеждениям. Поэтому политика США по отношению к России начиная с марта 1917 г. и до Парижской мирной конференции была «путанпой и времемнами противоречивой».³⁶

В качестве одного из доказательств «либерализма» и «идеализма» американского президента Шелтон рассматривает его прословутые «четырнадцать пунктов», необоснованно утверждая при этом, что «общее направление» демагогической программы Вильсона, предназначенной к противопоставлению ее мирной политике Советского правительства, было «во многих отношениях согласно с Лениным».³⁷

Однако когда Шелтон подходит к процедуре составления Вильсоном официальной версии по поводу американской интервенции, она вынуждена сама усомниться, «верил ли Вильсон в свои собственные слова». Шелтон упоминает о том, что, по мнению некоторых авторов, и в частности В. Вильямса, свержение советского строя было главной целью Вильсона. Что президент США «падеался» именно на такой «эффект» американской интервенции, Шелтон считает «возможным». Надежды Вильсона на сплочение российской контрреволюции вокруг интервенционистских сил не вызывают у Шелтон никаких сомнений, это, с ее точки зрения, «определенно». «Но его (Вильсона, — *Р. Г.*), цели были более идеалистичны, по крайней мере в его собственном представлении»,³⁸ — заключает Шелтон вопреки всему предыдущему.

Такие методы истолкования целей политики США, естественно, давали Вильямсу повод для специального выступления в печати, тем более что авторы, отрицавшие антисоветские задачи американской политики или отводившие им второстепенное место, получили возможность опереться еще и на вышедшую в 1962 г. книгу Кристофера Лэша «Американские либералы и

³⁴ Ibid., p. 60.

³⁵ Shelton B. K. President Wilson and the Russian revolution. Buffalo, 1957.

³⁶ Ibid., p. 120.

³⁷ Ibid., p. 116.

³⁸ Ibid., p. 125.

русская революция». Собранный им весьма обширный материал об отношении американской буржуазной общественности к Октябрьской революции и «русской политике» правительства США в специальном вопросе, нас интересующем, был как нельзя более выгоден для отрицания классовых мотивов антисоветской политики. Опираясь на собранную У. Липпманом и Ч. Мерцем коллекцию из 285 заголовков «Нью-Йорк Таймс» с апреля по август 1918 г., Лэш утверждал, что «социалистические черты режима», установленного в Советской России, вовсе не упоминались в американской печати. Однако Липпман и Мерц, на которых ссылается Лэш, сами подчеркивают, что в американской печати «не настаивали на мысли о коренной противоположности советского строя американскому до тех пор, пока американские войска не оказались на советской земле».³⁹ После же этого о целях и характере «экспедиции» заговорили по-другому, подобно экс-президенту Тафту, заявившему: «Мы теперь воюем с большевиками».

Вообще как раз в том, что касалось основ «русской политики» правительства США, американская печать — и свидетельство У. Липпмана здесь особенно важно — в наименьшей степени могла служить сколько-нибудь надежным источником: политика эта делалась в обстановке строгой кабинетной секретности.

Именно это обстоятельство в числе прочих, по-видимому, заставило Вильямса показать «кухню», на которой правящими «верхами» США выработывались основы их «русской политики», подвергнуть обстоятельному анализу внутреннее, субъективное отношение Вильсона к Октябрьской революции и советскому строю. Нельзя не согласиться с уже выраженным в нашей литературе мнением о том, что, рисуя «терзания» Вильсона по поводу решения о вмешательстве в русские дела, Вильямс отдает дань субъективизму,⁴⁰ однако его работа, специально посвященная анализу контрреволюционного характера американской интервенции в России, представляет собой совершенно особенное явление в американской литературе вопроса. Статья эта, направленная против широко распространенной в США апологетической схемы, неслучайно, вероятно, оказалась впервые напечатанной в журнале левого направления, официальной академической паукой, в сущности, не признаваемом.⁴¹

С большой тщательностью исследуя документальный материал, вплоть до записей в настольном календаре Лансинга, Вильямс доказывал, что «интервенция как сознательная антибольшевистская акция была для американских руководителей

³⁹ Lash Chr. The American liberals and the Russian revolution, London, 1962, p. 112.

⁴⁰ История СССР, 1964, № 4, с. 66, примечание редакции к помещенной (в переводе) статье В. Э. Вильямса «Американская интервенция в России в 1917—1920 гг.».

⁴¹ Studies of the Left, Fall 1963—Winter 1964. Как мы указывали, статья была опубликована в СССР.

решенным делом уже через пять недель после прихода большевиков к власти». ⁴² Как особо важное Вильямс подчеркивал то обстоятельство, что в политике США их стратегические цели в мировой войне «отступали на второй план перед стратегической борьбой с большевиками». ⁴³

Руководители американской политики намеренно скрывали ее «антибольшевистские», по выражению Вильямса, цели. Настаивая в своих публичных заявлениях на том, что большевики — «германские агенты», сами они в это не верили и в частных беседах называли их «опасными социальными революционерами». К таким заключениям приходил Вильямс. Весьма реалистическую оценку получил в статье В. Вильямса и отказ американской стороны от установления отношений с Советской Россией.

В советской литературе уже были отмечены как связь взглядов Вильямса с реалистической концепцией советско-американских отношений, выдвинутой еще в 20-х гг. видным американским историком Фр. Шуманом, так и недовольство, вызываемое работами Вильямса у некоторых американских авторов. ⁴⁴ С другой стороны, Вильямс, который, как мы уже говорили, придерживается критического взгляда при освещении общих вопросов истории американской внешней политики, ⁴⁵ пользуется среди американских историков значительным научным авторитетом. ⁴⁶ Одна из причин этого — в соответствии его критического взгляда современным научным представлениям и исследовательским требованиям. Однако преобладающим в американской историографии ранних советско-американских отношений продолжает оставаться апологетическое направление, отрицающее агрессивную природу политики США в «русском вопросе» и ее контрреволюционный характер.

⁴² История СССР, 1964, № 4, с. 173.

⁴³ Там же, с. 174.

⁴⁴ Гвишиани Л. А. Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970, с. 13.

⁴⁵ См. его книгу в русском переводе: Трагедия американской дипломатии. М., 1961.

⁴⁶ Об этом, в частности, свидетельствует интерес к его статье, вызвавший ее переиздание (Гвишиани Л. А. Советская Россия и США, с. 13).